

Л. В. Озолия

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СКАЗУЕМОГО В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ (на материале орокского языка)

Статья посвящена описанию структурных типов сказуемого в одном из тунгусо-маньчжурских языков. Типы сказуемых в орокском языке выделяются на основе структуры и компонентного состава, квалификация грамматических единиц которого тесно связана с особенностями форм глагола в русском и тунгусо-маньчжурских языках, а также с вопросами глагольной деривации в этих языках. Анализ частеречной принадлежности компонентов позволяет сделать выводы о наличии двух типов сказуемого в орокском языке: простого глагольного и составного именного, составное глагольное не представлено. К простому глагольному сказуемому (носителем лексического и грамматического значения является одно слово или словоформа) отнесены однокомпонентные сказуемые, выраженные спрягаемой формой глагола любого лица-числа, времени и наклонения; однокомпонентные семантически сложные сказуемые, изоморфные составным глагольным русского языка; двухкомпонентные отрицательные сказуемые, выраженные аналитическими словоформами, образованными с участием спрягаемого отрицательного глагола.

Именные сказуемые в орокском языке всегда являются многокомпонентным и составными, в них обязательны минимально две лексические единицы: назначение связки состоит в выражении предикативных категорий, а присвяточная часть выражает основное вещественное содержание сказуемого. Иначе говоря, именная в широком смысле часть сказуемого, нейтральная в отношении словоизменения, является носителем лексического значения, связочная выражается спрягаемым глаголом – носителем грамматического значения и всегда занимает позицию абсолютного конца предложения. Именное сказуемое представлено составным и сложным, особенности каждого подтипа определяет семантический статус грамматической части (бытийный или модальный, фазисный, аспектуальный глагол) и грамматический статус тематической части, которая может быть выражена существительным, прилагательным, наречием (при них функционирует бытийная связка), причастием или «свернутой» возвратно-притяжательной конструкцией с супином (при модальной, аспектуальной и фазисной грамматической составляющей). Сказуемые с бытийной связкой квалифицируются как составные именные, с модальными, фазисными, аспектуальными глаголами в грамматической части – как сложные.

Отсутствие в тунгусо-маньчжурских языках форм, полностью эквивалентных русскому инфинитиву в функциональном и семантическом аспекте, определяет невозможность образования составного глагольного сказуемого, которое, по определению, состоит «из глагола в личной форме и примыкающего к нему инфинитива» (Ахманова, 1966: 415).

Ключевые слова: *тунгусо-маньчжурские языки, орокский язык, сказуемое, структурный тип, простое глагольное, составное именное, аналитическая словоформа, грамматическая, синтаксическая форма.*

Всякое сказуемое составляет обязательный (предикативный) минимум предложения, реализуя основные категориальные характеристики предложения: темпоральность и модальность через координацию с подлежащим. В. А. Аврорин на материале тунгусо-маньчжурских языков определил сказуемое как «один из двух главных членов двусоставного предложения, обозначающий грамматически независимой лексической единицей (словом или словосочетанием) тот или иной признак, предиктируемый тому понятию, которое обозначено подлежащим» (Аврорин, 1981: 66).

Простое сказуемое квалифицируется как глагольное, поскольку «отличается от других типов сказуемого в семантическом отношении тем, что оно обозначает предиктируемое действие, тогда как именное и наречное сказуемые обозначают различные другие предиктируемые признаки, кроме действия; в грамматическом отношении оно отличается тем, что обладает

способностью полного сочетания в отдельном слове наряду с лексическим значением, грамматических значений, тогда как именное сказуемое обладает такой способностью лишь частично, а наречное сказуемое такой способностью вовсе не обладает» (Аврорин, 1981: 69).

Простое сказуемое в составе предложения в тунгусо-маньчжурских языках допускает, по мнению некоторых тунгусоведов, выражение финитной формой глагола или предикативным причастием, причем, «эти два функциональных разряда глагольных слов характеризуются различной синтаксической дистрибуцией... Формы спрягаемого глагола могут заполнять только позицию сказуемого, а причастия – также именные позиции» (Мальчуков, 1999: 41). Предикативные причастия как особый разряд причастий реализуют в предложении только одну позицию – позицию сказуемого, в функциональном плане эквивалентны спрягаемым формам глагола, преимущественно перфектива.

Структурно-семантические типы сказуемых в орокском языке дифференцируются, во-первых, с точки зрения компонентного состава (однокомпонентное – многокомпонентное), во-вторых, исходя из морфологической характеристики семантически значимого компонента / компонентов сказуемого (глагольное, именное).

Простое глагольное сказуемое, как писал В. А. Аврорин применительно к нанайскому языку, «может быть выражено глаголом любого склонения, ...любого времени, любого лица и числа, положительной и отрицательной оценки» (Аврорин, 1981: 69), это сказуемое однокомпонентное. В орокском предложении простое сказуемое также может быть исключительно глагольным, поскольку единственная форма, которая спрягается, – это глагол, соответственно только финитная форма способна одновременно выражать лексическое и грамматическое значения, соотнося предикативное подлежащему действие по времени и склонению с реальностью / ирреальностью, выступать в роли носителя предикативности и осуществлять координацию между подлежащим и сказуемым. Как отметил А. Л. Мальчуков, именно «спрягаемый глагол выражает координацию при помощи предикативных суффиксов, несущих информацию о лице/ числе имени-подлежащего» (Мальчуков, 1999: 41).

Например:

Ча эктэнуни улал оккоточичи нэнэхэни.

Ча	эктэ-ну-ни	окко-тоу-чи	нэнэ-хэ-ни.
Ta=Pron	женщина-Poss3Sg	пастбище-Lat-Dat/Poss3Pl	идти-Past-3Sg

Эта женщина отправилась на оленье пастбище.

Гэ, тари мангани вахамби.

Гэ,	тари	манга-ни	ва-хам-би.
Ну,	тот-Pron	богатырь-Acc/Poss3Sg	убить-Past-1Sg

Ну, я того богатыря убил.

Чиманани мапа пэттэнду нэнууэчи.

Чиманани	мапа	пэттэ-нду	ңэну-үэ-чи.
Наутро-Adv	старик-N/Sg	нерпа-Comit/Sg	уйти-Past-3Pl

Наутро старик с нерпой отправились.

Бал.3и-үатчи си умукэ(н) биси.

Бал.3и-үатчи	си	умукэ(н-)	бб-си.
Со своего рождения-N/Sg	ты-2Sg	один(око)-Adv	жить-Pres-2Sg

С рождения ты один (одинок) живешь.

Би мэнэ ча амбамба варилахамби.

Би	мэнэ	амбам-ба	ва-ри-ла-хам-би.
Я	сам-Adj	черт-Acc/Sg	убить-Futur-1Sg

Я сам убью этого черта (букв.: буду убивать).

Квалификация типа сказуемого в тунгусо-маньчжурских языках оказывается несколько сложнее, чем, например, в русском языке, что определяется типологической характеристикой языка и, в частности, его лексическими и деривационными особенностями. Собственно начальной формой глагола является не лексическая единица, а единица морфологическая – непроизводная глагольная основа, которая нуждается в обязательном оформлении реляционными суффиксами времени и лица-числа, чтобы стать словоформой. Деривационные аффиксальные морфемы, присоединяемые к первичной основе глагола, эквивалентны в большинстве своем лексическим единицам русского языка. Поэтому семантическая структура глагола в орокском языке шире: при присоединении любого деривационного суффикса к непроизводной глагольной основе образуется производная основа, семантика которой часто эквивалентна сочетанию нескольких лексических единиц, что, например, в составе предложения в русском языке квалифицируется как составное глагольное сказуемое. Например, при присоединении к глагольной основе *гэлэ-* ‘искать’ суффикса *-нда* ‘отправиться, пойти <делать что-либо>’, образуется производная основа *гэлэ-ндэ-* ‘идти, пойти, отправиться искать’, при присоединении к этой производной основе модального суффикса *-пун ~ -вун ~ -(м)бун ~ -ун 1)* ‘заставить <делать что-либо>’; 2) ‘позволить <делать что-либо>’, образуется производная основа *гэлэ-ндэ-вэн-* ‘заставить идти искать, отправить искать’ или ‘позволить, разрешить отправиться искать’ и т.п. Однако независимо от полисемной структуры производной основы глагола в тунгусо-маньчжурских языках такие сказуемые формально являются однокомпонентными и квалифицируются как простые глагольные, являясь при этом семантически сложными.

Например:

Чимана гасамбани-ка манан Зэ-лами.

Чимана гасам-ба-ни-ка мана-н Зэ-ла-ми.
 Завтра=Adv Acc/Poss3Sg -Part уничтожить-идти-Fut-1Sg.
 Завтра я его селение пойду уничтожить.

Пулахи курбоби геданнепа гэлэндэвэтчини.

Пулахи курбо-би гедан-не-па гэлэ-ндэ-вэ(н)-(т)чи-ни.
 Пулахи олень-Acc/Poss1Sg один-человек-Acc/Sg искать=идти=заставить=Past-3Sg
 Пулахи заставил одного человека идти разыскивать своего оленя.

Чотчи маманутаккии ун.Зини: «Би исинэни тулэ-н.Зи-тэ!»

Чотчи мам-ну-такки ун.Зини: «Би исинэни
 Потом=Adv жена-Lat-Dat/Poss3Sg говорить-Pres-3Sg я=N/Sg сегодня-Adv
тулэ-ндэ-үитэ-хэ-ни!»

ставить сети-идти-намереваться-Imp (Caus)-1Sg
 Вечером старик собирался пойти ставить сети.

Отрицательные формы глагола в орокском языке независимо от времени и наклонения являются аналитическими: обязательной составляющей выступает вспомогательный отрицательный глагол *э-* ‘не (быть)’. В прошедшем I, настоящем, и будущем времени индикатива вспомогательный отрицательный глагол *э-* спрягается по IY типу (на *-си // -тчи/ -ччи*), принимая на себя все грамматические характеристики словоформы; занимает препозицию по отношению к тематическому глаголу, определяющему лексическое значение словоформы и употребляющемуся в особой форме, образованной в соответствии с типом основы. В прошедшем II времени индикатива отрицательный глагол представлен омертвевшей безличной формой *этчил (э-тчи-л)*, а тематический глагол оформляется соответствующими личными окончаниями (в I л. ед. ч. вместо *-би* употребляется *-ми*), дифференцируемыми в отношении числа. В составе предикативных конструкций все аналитические отрицательные словоформы глагола квалифицируются как простые глагольные сказуемые.

Например:

Аче хайва-да эччини ундэ.

Аче хай-ва-да э-ччи-н ун-дэ.
Крыса=N/Sg что-то-Прон-Асс/Sg не сказать-Neg/Past-3Sg
Крыса ничего не сказала.

Би эсув нэллэ лалумди будди бојонди.

Би э-су-в нэллэ лалумди буд-ди бојон-ди(би).
Я=1Sg не бояться -Neg/Pres-1Sg голодом-Adv умирающий-PP/Sg медведь-Асс/Sg
Я не боюсь от голода умирающего медведя.

Тагда ула улиссэни эддесу дэптэ!

Тагда ула улиссэ-ни э-дде-су дэп-тэ!
Белый=Adj олень=N/Sg мясо-Асс/Poss3Sg Neg/не есть-Imp-2Pl.
Мясо белого оленя не ешьте!

Хотя «в описательных грамматиках тунгусо-маньчжурских языков многие аналитические конструкции...предлагается трактовать как единицы синтаксического уровня (сложное глагольное сказуемое), а не морфологического (аналитическая форма)» (Мальчуков, 1999: 42), основным критерием разграничения аналитических форм и синтаксических структур остается предложенный Н. Д. Арутюновой парадигматический – включение аналитических форм «в единую систему грамматических противопоставлений с морфологическими формами слова» (Арутюнова, 1965: 90). Грамматические отрицательные конструкции в тунгусо-маньчжурских языках образуют аналитическую словоформу, по этим основаниям в предложении являются простым глагольным сказуемым.

Составное сказуемое в тунгусо-маньчжурских языках имеет в своем составе несколько лексических единиц, несколько компонентов, в большинстве языков выделяют составное именное, составное глагольное и сложное глагольное.

В орокском языке составное сказуемое представлено двумя типами: составным именным и сложным именным. Носителем грамматического значения в составных или сложных именных сказуемых выступает спрягаемый глагол (связочный полусвязочный, модальный, фазисный и т. п.), а тематическая часть представлена именем в широком смысле слова, наречием, причастием или предикативной конструкцией.

Составное именное сказуемое – это минимально двухкомпонентное сказуемое, в котором предикатируемый подлежащему признак выражается именем или словосочетанием субстантивного типа (лексическое значение), а грамматическое значение оформляется глаголом-связкой в финитной форме – носителем предикативности, в настоящем времени – «нулевой». В качестве связочных в составных именных сказуемых используются глаголы *би-* ‘быть’ и реже – *о-* ‘стать’, семантическая часть сказуемого традиционно представлена грамматическими (именами существительными, прилагательными, наречиями). Элиминация связки характерна для предикативных конструкций презенса, носит регулярный характер при прономинально выраженном подлежащем.

Сказуемые с нулевой связкой квалифицировались некоторыми тунгусо-маньчжуроведами как «простые именные». Например, В. А. Аврорин писал: «Именное сказуемое может быть выражено любой именной частью речи, при этом в зависимости от того, какой частью речи оно выражено, видоизменяется его общее значение и грамматическая форма. Предикатируемый признак может рассматриваться в трех временных планах... Условно эти три аспекта признака можно назвать так: а) настоящий признак; б) прошедший признак; в) будущий при-

знак. Именное сказуемое, обозначающее настоящий признак, чаще всего выражается соответствующим именем без сочетания его со служебным или знаменательным глагольным словом, но может выражаться и сочетанием имени с глагольным словом» (Аврорин, 1981: 93–94). Аналогичной точки зрения придерживалась В. Д. Константинова: «Именным является сказуемое, выраженное какой-либо именной частью речи: существительным, прилагательным, местоимением, числительным, отрицанием *āchin* ‘нет, не имеется’. Различают простое именное сказуемое, состоящее только из именной части, и составное именное сказуемое, включающее в свой состав, кроме имени, вспомогательный глагол» (Константинова, 1966: 119) и др. Квалифицировать именные сказуемые с нулевой связкой в тунгусо-маньчжурских языках вообще и в орокском языке, в частности, как «простые именные», на наш взгляд, некорректно: если мы признаем, что всякое сказуемое представляет определенную глагольную парадигму, различать «простое именное» и «составное именное» только на основании грамматического выражения / невыражения временного значения, реализуемого через связку, элиминируемую в настоящем времени, неправомерно.

В русском языке в традиции различают именное и составное именное сказуемое по тем основаниям, что при проявлении связки изменяется грамматическая форма тематической части: именительный падеж заменяется творительным, например, *он старик – он был (стал) стариком*. В тунгусо-маньчжурских языках формальных изменений именная часть сказуемого при помещении высказывания в прошедший или будущий временной план не претерпевает, однако при отсутствии спрягаемого глагола в составе сказуемого не находит своего выражения синтаксическая связь (координация) между главными членами – подлежащим и сказуемым, реализуемая через посредство предикативных лично-числовых суффиксов, предоставляющих информацию о подлежащем-имени.

В структуре составного именного сказуемого носитель лексического значения помещается в препозицию по отношению к глаголу-связке – носителю грамматического значения, позицией которого стандартно является абсолютный конец предложения. При нулевой связке в вопросительной конструкции вопросительными частицами *-ju*, *-ʒə* оформляется именная часть сказуемого, при наличии глагольной связки суффиксальная частица присоединяется к ней.

Например:

Си хауси – нари си-ју, тэддэ нэттэ си-ју?
Си *хаи-си* *нари-си-ју* *тэддэ* *нэттэ-си-ју?*
 Ты=Pron/2Sg кто-ты-Poss2Sg человек-ты-ли вправду-Adv нерпа-ты-ли?
 Да ты кто есть – человек <есть> или в самом деле нерпа <есть>?

Тематическая часть составного именного сказуемого может быть выражена именем существительным любого числа в нулевом падеже, именем прилагательным в форме любого числа, числительным, наречием, словосочетанием номинативного типа, причастием, в том числе, предикативным, или целевой возвратно-притяжательной конструкцией (с супином).

Например:

Тамачу тар нарисал горо биччичи, самасал оччичи.
Тамачу *тар* *нари-сал* *горо* *би-ччи-чи* *сама-сал*
 После этого тот-PI мужчина-N/PI долго-Adv жить-Past-3PI шаман-N/PI
о-ччи-чи.
 статья-Past-3Sg
 После этого те мужчины долго жили, шаманами стали (букв.: шаманы стали).

Мана путтэни даи отчини.
Мана *путтэ-ни* *даи* *о-тчи-ни.*
 Старик=N/Sg ребенок-Acc/Poss3Sg большой-Sg статья-Past-3Sg/

Сын старика взрослым стал.

Ула синэни сундатта пачиккэдини аптаулидума.

Ула	синэ-ни	сундатта	пачиккэ-ди-ни	аптаули-дума.
Олень-N/Sg	язык-Poss/3Sg	рыба-Acc/Sg	рыбий хвост-Instr/Poss3Sg	вкусный-Adj/Sg

Язык оленя вкуснее рыбьего хвоста.

Позиции тематической части сказуемого в орокском языке могут заполняться причастиями нескольких разрядов, довольно существенно отличающихся в грамматическом и функциональном плане, как от причастий русского языка, так и друг от друга. Традиционно выделяют активные и пассивные причастия настоящего и прошедшего времени (категория времени носит релятивный характер), предикативные представлены причастиями обычности действия с суффиксами *-вки / -вуки/ -уки* и причастиями длительного действия с суффиксами *-ра (-пра) /-рэ (-прэ)*.

Причастия-прилагательные разряда активных функционально вполне соотносительны с русскими действительными причастиями (маркеры те же, что для финитных форм глагола), в предложении допускают позицию определения и части сказуемого. Пассивные причастия (маркеры наст. вр. *-вури / -пури*, пр. вр. *-пула / -пулэ*) в предложении реализуют позицию тематической части составного именного сказуемого, координация с подлежащим по числу носит регулярный характер. В функции связочного глагола в составе сказуемого, тематическая часть которого выражена активными причастиями, используются финитные формы глагола *-би* 'быть'. Сказуемые, выраженные пассивными причастиями прошедшего времени, фактически не оформляется глаголом-связкой: их они семантически эквивалентны русскому пассиву прошедшего времени глаголов совершенного вида.

Например:

Нарисал чипали вапулал <биччичи>.

Нари-сал	чипал(и)	ва-пула-л	<би-чи>.
Мужчина-N/Pl	все	убитый-PP1/Pl	быть-Pres-3Pl/

Все мужчины были убиты.

Дава барамба тэлипулэ.

Дава	барам-ба	тэли-пулэ.
Рыба-N/Sg	множество-Acc/Sg	заготовленный-PP1/Sg/

Много рыбы заготовлено.

Причастия (2) обычности действия (маркер – суффикс *-вуки/ -вки/ -уки/ -пуки/ -(м)буки*) не находят соответствий в русском языке, квалифицируются как предикативные: синтаксическая позиция в предложении ограничена функцией части сказуемого. Нейтральны в отношении времени (в функциональном плане эквивалентны русским финитным формам презенса глагола несовершенного вида, преимущественно 3 лица), дифференцированы в отношении числа – присоединяют именной показатель множественного числа в варианте *-л*. Темпорально-лические характеристики сказуемого (прошедшее и будущее время) факультативно реализуются через введение финитных форм глагола связки *би-* 'быть'.

Например:

Чипавунду упал бивукил, паиктани дэпукил.

Чипавун-ду	упа-л	би-вуки-л	паикта-ни	дэпу-вки-л.
Чипавун(а)-N	олень-N/Pl	жить-PP2/Pl	трава-Acc/Poss3Sg	есть-PP2/Pl

На реке Чипавуна олени живут, траву едят.

Ча	уники	нбчи	болон-болон	путатчукили(л)	битчичи.
Ча	уни-ки	ночи	болон-болон	пута-тчи-уки-ли(л)	би-тчи-чи.

Тот река-ProI они каждую осень-Adv ставить силки-PP2/PI быть-Past-3PI
 По той реке они каждую осень силки ставили (букв.: ставящие силки были).

Нимэрихэннетэи дэпиевэ тојовкил.

Нимэрихэн-не-тэи дэпи-вэ тојо-вки-л.
 Гость=Loc-Dat/ Sg еда-Acc/Sg угощать-PP2/PI
 Гостя (пришедшего в гости человека) обычно едой угощали.

Причастия (3) длительного действия (маркер – суффикс *-ppa/ -ppэ/ -pa / -pэ*) в составе именного сказуемого абсолютно нейтральны в отношении формообразования, аналогов среди русских причастий не имеют. В семантическом плане эквивалентны русским финитным формам перфекта глагола совершенного вида. Причастия длительного действия функционально ограничены, реализуя в составе предложения одну позицию – части сказуемого. При необходимости подчеркнуть многократность и отдаленность во времени (давнопрошедшее время) предидируемого подлежащему действия в сказуемом факультативно выявляется глагольная связка, примыкающая к тематической части через достаточно архаичный препозитивный формант *ој*.

Например:

Ночи чаду дин горо битчичи, саннамба умирра, чаива умирра.

Но-чи чаду дин горо би-тчи-чи саннам-ба
 Они-3P I там-Adv очень долго-Adv быть-Past-3PI табак-Acc/Sg
уми-ppa чаи-ва уми-ppa
 курящий-PP2 чай-Acc/Sg пьющий-PP3
 Они там очень долго были, табак курили, чай пили.

Тар бими нони сиромбо вара ој битчини

Тар би-ми сиром-бо ва-ра ој би-тчи-ни.
 Так в-свое житье-Conv/Refl-Sg олень-Acc/Sg убивающий-PP3 статья-Past-3Sg.
 Так живя, он стал способным убивать дикого оленя.

Т. И. Петрова, указывая на основании сходства суффиксальных показателей на близость данных форм «формам основного глагола, которые употребляются с отрицательным глаголом э-» (Петрова, 1967: 105) и формам одновременного деепричастия в ульчском и нанайском языках, высказала предположение о том, что форма предикативного причастия длительного действия в орокском языке – это форма «какого-то более древнего причастия» (Петрова, 1967: 105).

Вообще использование предикативных причастий в функции «простого причастного сказуемого наряду с собственно глагольными формами» отмечалось многими тунгусоведами, причем, в этом случае причастия «с большей или меньшей последовательностью включались в парадигму финитного глагола» (Мальчуков, 1999: 450). Однако даже факультативное использование глагольной связки в функции носителя основной информации о лице-числе подлежащего при том, что тематическое причастие различает только категорию числа (оформление именным суффиксом *-л* множественного числа), не позволяет считать сказуемое, выраженное предикативным причастием простым. Формально оно является составным именным, т. к. в рамках универсальной классификации частей речи причастие выступает как особый грамматический разряд имени прилагательного (Озолия, 2014: 202). Анализ особенностей предикативных причастий орокского языка позволяет предположить, что они, вероятно, являются достаточно древней эвиденциальной формой глагола до-темпорального периода развития грамматической системы (см. Ильина, 2017: 160).

Составное глагольное сказуемое. Отсутствие в тунгусо-маньчжурских языках форм, полностью эквивалентных русскому инфинитиву в функциональном и семантическом аспекте, определяет невозможность образования в орокском языке составного глагольного сказуемого, которое, по определению, состоит «из глагола в личной форме и примыкающего к нему инфинитива» (Ахманова, 1966: 415). Рассматривая составное глагольное сказуемое и «как аналитическое обозначение одного процессуального признака (действия), охарактеризованного в модальном или аспектуальном плане, либо в модальном и в аспектуальном плане одновременно, т. е. как аналог глагола, разделивший свое значение (основное и дополнительное) между двумя (или тремя) словоформами» (Белашапкина, 1977: 88), можно утверждать, что в большинстве тунгусо-маньчжурских языков эквивалентов русскому составному глагольному сказуемому не представлено.

На материале нанайского языка к составному глагольному В. А. Аврорин относил сказуемые, образуемые «при сочетании знаменательного личного причастия со служебным глагольным словом (чаще всего причастием же) от глагольных основ *би* ‘быть, жить, находиться, являться’ и *о-* ‘делаться становиться» (Аврорин, 1981: 76). Но и личные, и предикативные причастия, оформляющие тематическую часть составного сказуемого, по своим грамматическим характеристикам являются разрядом причастий-прилагательных, единиц класса имени, а не глагола, и для выражения модально-временных характеристик дополняются глаголом-связкой как носителем грамматического значения. Сказуемые такой структуры квалифицируются как составные именные и описаны выше.

Как сложное глагольное В. А. Аврорин охарактеризовал сказуемое с «деепричастиями», «которое образуется сочетанием одновременного деепричастия от глагольной основы, обозначающей само предиктируемое действие, и любой лично-причастной или глагольной формы от глагольной основы, обозначающей дополнительное действие того же субъекта» (Аврорин, 1981: 88). Если отталкиваться от универсальной классификации частей речи (Болдырев, 2007: 63), в соответствии с которой одним из ведущих квалификационных признаков является парадигматический, possessивность присуща только единицам грамматического класса имени существительного (независимо от генезиса), соответственно возвратное притяжание не может оформлять глагольную форму, в частности, деепричастие. Анализируя грамматический статус деепричастий с возвратно-притяжательными суффиксами в тунгусо-маньчжурских языках, Т. И. Петрова высказала вполне обоснованное, по мнению В. А. Аврорина (Аврорин, 1961: 141), предположение, что суффиксы одновременного деепричастия этимологически членимы: «в их составе был некогда собственно деепричастный суффикс *-ма / -мэ* и возвратно-притяжательный суффикс *-и* для единственного числа субъекта и *-ри* – для множественного числа субъекта, то есть первоначально это были составные суффиксы *-маи / -мэи* и *-мару / -мэри*, причем, второй из них остался без изменения, а в первом произошла довольно обычная монофтонгизация дифтонгов *ai / эи > и*» (Петрова, 1941: 92). А. М. Певнов, уточнил, что «элемент **-ма / -мэ* служил, скорее всего, показателем не деепричастия, а субстантивированного причастия... первоначально деепричастие на *-ми* представляло собой причастие в винительном падеже...» (Певнов, 1980: 11). В семантическом плане орокские «деепричастия» даже условно не могут быть соотнесены с русскими деепричастиями: их семантика сложнее – они близки русским обстоятельствам цели, выраженным падежными формами имени. В грамматическом плане орокское «деепричастие» совершенно лишено категориальных характеристик, которые присущи русским деепричастиям в зависимости от вида производящей основы, т. к. видовая корреляция в орокском языке отсутствует [Озолия, 2017: 218]. Сказуемое «с деепричастием» – возвратно-притяжательно оформленным именем – по этим основаниям квалифицируется как составное именное сказуемое. Позиционная структура стандартна: тематическая часть – свернутая возвратно-притяжательная конструкция помещается в препозицию по отношению к вспомогательному глаголу (факультативно допустима постпозиция), который занимает позицию абсолютного конца предложения. Составные именные сказуемые с «деепричастиями» в

тематической части представлены несколькими группами, дифференцируемыми в зависимости от семантики связочного глагола, который координируется по своим грамматическим характеристикам с подлежащим.

1. Сказуемые с модальными глаголами отрицательной семантики: алба-, ида-, ме-, тэтэн- ‘не мочь, быть не в состоянии (сделать, предпринять что-либо)’; допускают опущение тематической части, названной в контексте ранее, выступая в семантическом плане как полнозначный глагол.

Например:

Тари нарисал хагдумари албечи.

Тари	нари-сал	хагду-мари	албе-чи.
Тот=Pron/PI	мужчина-N/PI	причаливание-свое-Conv/Refl-PI	не мочь-Pres-3PI

Те мужчины причалить к берегу не могут (букв.: свое причаливание к берегу не могут <сделать>).

[Синдауаччэри ивандилауачи, икпэ эсини дэүдэ, путтэни унини:]

«Сама(н) биьи хайми албахаси?»

Сама(н)	би-ми	хайми	алба-ха-си.
Шаман=N/Sg	в-бытье-свое-Conv/Refl-Sg	почему-Adv	не мочь-Past-2Sg.

[Когда пришли, стали разжигать костер, огонь не горит, сын спрашивает:]

«Если ты шаман, почему не смог <развести огонь?»

2. Сказуемые с фазисными глаголами: хо33и- ‘кончать’, кулли- / кулле, корпи- ‘успеть, успевать (сделать), располагать временем (сделать)’.

Например:

Алкамари эччипу кулле, унандела хаунилухани.

Алка-мари	э-ччи-пукулле	унан-де-ла
Свое засыпание-Conv/Refl-PI	не успеть-Past-1PI	река-сторона-LocII/Sg

хауни-лу-ха-ни.

шуметь-начать-Past-3Sg

Не успели мы заснуть, как у реки зашумело (послышался шум).

3. Сказуемые с глаголами намерения или попытки: т̄а- ‘намереваться, пытаться (сделать что-либо)’, пэргэ- ‘пытаться, пробовать (сделать что-либо)’.

Например:

Тари нари мороччини: «Би пэргэми молисилами!».

Тари	нари	моро-ччи-ни	би	пэргэ-ми
Тот=Pron/Sg	мужчина-N/Sg	думать-Past-3Sgя=1Sg	попытка-своя-Conv/Refl-Sg	молит-си-ла-ми.

заготавливать дрова-начать-Pres-1Sg.

Тот мужчина думает: «Я попробую заготовить дрова!» (букв.: попытку свою заготовить дрова начну).

4. Сказуемые с эмотивными глаголами: гэлэмэ- ‘хотеть, желать’, ажав- ‘любить, желать’.

Например:

Мапануби аракка (аракамба) уми ажаврини.

Мапа-ну-би	арак-ка (аракам-ба)	у-ми	ажав-ри-ни.
Муж-N/Sg	водка-Acc/Sg	питье-свое-Conv/Refl-Sg	любить-Pres-3Sg.

Мой муж любит выпить (букв.: водки свое питье любит).

К сложным именным сказуемым в орокском языке отнесены многокомпонентные сказуемые с модально-аспектуальными глаголами *тд̄*- ‘собираться, намереваться’ и *хумэ*- ‘собираться, готовиться’ в спрягаемых формах, занимающие позицию абсолютного конца предложения, при тематической части, выраженной свернутой (отсутствует первый компонент) возвратно-притяжательной конструкцией с супином (отглагольным именем существительным со значением цели).

Например:

Гедара боло гобдондубуддури хумэүэчи.

<i>Гедара боло</i>	<i>габдо-нду-буддо-ри</i>	<i>хумэ-үэ-чи.</i>
Однажды осенью	соболевать-идти-с целью-своей -Sup/Refl-PI	собираться-Past-3PI.
Однажды осенью они собирались идти соболевать (букв.: собирались отправиться для своего соболевания).		

Бу акпамбуддбри тотчипу.

<i>Бу</i>	<i>ак-пам-буддо-ри</i>	<i>то-тчи-пу.</i>
Мы=Pron/1PI	спать-лечь-с целью-своей- Sup/Refl-PI	собираться-Past-3PI.
Мы собрались лечь спать (букв.: собрались для своего укладывания спать).		

Семантика сложных именных сказуемых орокского языка эквивалентна семантике русских составных глагольных сказуемых при не-изоморфности их структур.

В заключение отметим, что квалификация сказуемого в тунгусо-маньчжурских языках определяется его структурой, его компонентным составом, который тесно связан с вопросами глагольной деривации, а также особенностями формальной и функциональной соотносимости (эквивалентности или изоморфности) грамматических единиц русского и тунгусо-маньчжурских языков. Эти вопросы рассмотрены на материале орокского языка.

1. Простое глагольное сказуемое в орокском может быть однокомпонентным, но семантически сложным, и двухкомпонентным, но семантически простым. Простыми глагольными сказуемыми в орокском языке являются:

1) сказуемые, выраженные финитной формой глагола производной основы любого склонения, любого времени, любого лица и числа;

2) сказуемые, выраженные финитной формой глагола производной (полисемной) основы, семантика которых эквивалентна семантике составного глагольного сказуемого в русском языке;

3) аналитической отрицательной спрягаемой формой глагола любого склонения, любого времени, любого лица и числа.

2. Составное именное сказуемое представлено несколькими типами, дифференцируемыми в зависимости от грамматического статуса тематической части (имена существительные, прилагательные, наречия, конверсивы и возвратно-оформленные конвербиализованные формы) и семантической характеристики глагольной части (служебный, полужнаменательный или полнозначный глагол).

3. Составное глагольное и сложное глагольное сказуемое в орокском языке не представлены.

Список литературы:

- Аврорин В. А.** Грамматика нанайского языка. – Т. II. – М.; Л.: Наука, 1961. – 294 с.
Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. – Л.: Наука – 1981. – 198 с.
Артунова Н. Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках разных типов. – М.; Л.: Наука – 1965. – С. 89–93.
Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия – 1966. – 607 с.
Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа – 1977. – 247 с.

- Болдырев Б. В.** Морфология эвенкийского языка. – Новосибирск: Наука – 2007. – 928 с.
- Ильина Л. А.** О вероятных социокультурных детерминантах граммем незрительной чувственной засвидетельствованности в диахронии языков Северной Азии // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 2. – С.159–174.
- Колесникова В. Д.** Синтаксис эвенкийского языка. – М.-Л.: Наука – 1966. – 246 с.
- Мальчуков А. Л.** Синтаксис простого предложения в эвенском языке. Структурные и семантические аспекты. – Санкт-Петербург: Наука – 1999. – 256 с.
- Озолия Л. В.** О структурной и семантической соотносимости единиц языков типологически различных систем, ч. I. Грамматические классы // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 196–202.
- Озолия Л. В.** Отглагольные образования: причастия, деепричастия, связанные имена существительные. – Ч. IV // Сибирский филологический журнал – 2016. – № 2. – С. 211–221.
- Певнов А. М.** Деепричастия на *-ми* в эвенкийском языке: автореф. дисс. ... канд. дис. – Л, 1980, – 23 с.
- Петрова Т. И.** Очерк грамматики нанайского языка. – Л., 1941. – 107 с.
- Петрова Т. И.** Язык ороков (ульта). – Л.: Наука – 1967. – 156 с.

Условные обозначения:

1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; ACC – винительный п.; ADJ – имя прилагательное; ADV – наречие; COMIT – совместный п.; CONV – конверб; FUT – будущее время; INST – творительный п.; LAT-DAT – направительно-дательный; LOC II – местный II п.; N – именительный п.; NEG – отрицательная форма глагола; PART – частица; PAST – прошедшее время; PL – множественное число; POSS – притяжательный аффикс; PRES – настоящее время; PP – причастие; PRON – местоимение; REFL – возвратность; SG – единственное число; SUPIN – супин (форма цели).

Озолия Лариса Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия.

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru (для быстрой связи);

E-mail: larisa.larisa-3302803@yandex.ru (для пересылки текстов).

Материал поступил в редакцию 28.03.2019 г.

L. V. Ozolinya

STRUCTURAL TYPES OF THE PREDICATE IN THE TUNGUS-MANCHU LANGUAGES (on the material of the Orok language)

The article is devoted to the description of the structure types of the predicate in one of the Manchu-Tungus languages. Types of predicates in the Orok language are distinguished on the basis of structure and component composition, the qualification of grammatical units of which is closely related to the peculiarities of the verb forms in the Russian and Manchu-Tungus languages, as well as to the questions of the verbal derivation in these languages. The analysis of the frequency component of the components makes it possible to draw conclusions about the presence of two types of predicate in the Orok language: the simple verbal and compound nominal, the compound verb is not represented. To a simple verb predicate (the carrier of lexical and grammatical meaning is one word or word form), single-component predicates are expressed, expressed by the conjugated form of a verb of any number-person, time and mood; single-component semantically complex predicates, isomorphic to the composite verb of the Russian language; two-component negative predicates expressed by analytical word forms formed with the participation of a conjugated negative verb.

Named predicates in the Orok language are always multicomponent and composite, they have at least two lexical units: the purpose of the bundle is to express the predicative categories, and the linking part expresses the main material content of the predicate. In other words, the broadly expressed part of the predicate, neutral with respect to inflection, is the carrier of lexical meaning, the connective is expressed by the

conjugated verb - the carrier of grammatical meaning and always takes the position of the absolute end of a sentence. The nominal predicate is represented as compound and complex, the characteristics of each subtype are determined by the semantic status of the grammatical part (existential or modal, phase, aspectual verb) and the grammatical status of the thematic part, which can be expressed by a noun, adjective, adverb (with an existing linkage functioning), participle or possessive construction with supine (with modal, aspectual and phase grammatical component). Potential with an existing bundle are qualified as compound nominal, with modal, phase, aspectual verbs in the grammatical part - as complex.

The absence in the Manchu-Tungus languages of forms fully equivalent to the Russian infinitive in functional and semantic aspect determines the impossibility of forming a compound verb predicate, which, by definition, consists of "a personal verb and an infinitive adjoining it" (Akhmanova, 1966: 415).

Key words: *Manchu-Tungus languages, Orok language, predicate, structural type, simple verbal, compound nominal, analytical word form, grammatical, syntactic form, part of speech.*

References:

- Avrorin V. A.** Grammar of the Nanai language. [Avrorin V. A. Grammatika nanajskogo yazy`ka.]. – T. II. – M.; L.: Science – 1961. – 294 p. (in Russian).
- Avrorin V. A.** Syntactic studies in the Nanai language. [Avrorin V. A. Sintaksicheskie issledovaniya po nanajskomu yazy`ku]. – L.: Science. – 1981. – 198 c. (in Russian).
- Arutyunova N. D.** On the criteria for the selection of analytical forms // Analytical constructions in languages of different types. [Arutyunova N. D. O kriterii vy`deleniya analiticheskix form]. M.; L.: Science. – 1965. – P. 89–93. (in Russian).
- Akhmanova O. S.** Dictionary of linguistic terms. [Axmanova O. S. Slovar` lingvisticheskix terminov]. – M.: Soviet Encyclopedia. – 1966. – 607 p. (in Russian).
- Beloshapkova V. A.** Modern Russian language. Syntax. [Beloshapkova V. A. Sovremenny`j russkij yazy`k.]. – M.: Higher School. – 1977. – 247 p. (in Russian).
- Boldyrev B. V.** The morphology of the Evenki language. [Boldy`rev B. V. Morfologiya e`venkijskogo yazy`ka]. – Novosibirsk: Science. – 2007. – 928 p. (in Russian).
- Kolesnikova V. D.** Syntax of the Evenki language. [Kolesnikova V. D. Sintaksis e`venkijskogo yazy`ka]. – M.; L.: Science. – 1966. – 246 p. (in Russian).
- Malchukov A. L.** The syntax is a simple sentence in the Even language. Structural and semantic aspects. [Mal`chukov A. L. Sintaksis prostogo predlozheniya v e`venskom yazy`ke. Strukturny`e i semanticheskie aspekty`]. – St. Petersburg: Science, 1999. – 256 p. (in Russian).
- Ozolinya L. V.** On the structural and semantic comparability of the grammatical units in the languages of different typological systems. Grammar classes. [Ozolinya L. V. O strukturnoj i semanticheskij sootnosimosti edinic zazy`kov tipologicheski razlicny`x sistem. Grammaticheskie klassy`] // Siberian Journal of Philology. – 2014. – № 4. – P. 196–202. (in Russian).
- Ozolinya L. V.** Verbal formations: participles, verbal participles, related nouns. [Ozolinya L.V. Otglagol`ny`e obrazovaniya: prichastiya, deeprichastiya, svyazanny`e imena sushhestvitel`ny`e.] // Siberian Journal of Philology. – 2016. – № 2. – P. 211–221. (in Russian).
- Pevnov A. M.** Verbal participations with the -mi in Evenk language. [Pevnov A. M. Deeprichastiya na -mi v e`venkijskom yazy`ke]. – Author. Cand. dis. – L.: 1980. – 23 p. (in Russian).
- Petrova T. I.** Sketch of the grammar of the Nanai language. [Petrova T. I. Oчерк grammatiki nanajskogo yazy`ka]. – L., 1941. – 107 p. (in Russian).
- Petrova T. I.** Orok language (ul'ta). [Petrova T. I. Yazy`k orokov (ul`ta)]. – L.: Science – 1967. – 156 p. (in Russian).

Ozolinya Larisa Viktorovna, Candidate of Science (Philology), Senior Researcher at Tungusic Department.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
8 Nikolayev street, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: larisa-3302803@rambler.ru; larisa.larisa-3302803@yandex.ru